

МАРИЯ КОРЕЛЛИ

Роман о двух мирах

Москва

УДК 821.111.31(73)
ББК 84(7Coe)
К66

Marie Corelli
A ROMANCE OF TWO WORLDS
1886

Перевод с английского *Александры Глебовской*

Литературная редакция *Анна Шеремет*

Иллюстрация и художественное оформление *Анастасии Зининой*

Корелли, Мария.

К66 Роман о двух мирах / Мария Корелли ; [перевод с английского А. В. Глебовской]. — Москва : Эксмо, 2026. — 352 с. — (Магистраль. Коллекция).

ISBN 978-5-04-236290-3

Молодая талантливая пианистка, страдающая от тяжёлой депрессии и нервного истощения, по совету врача уезжает из Лондона в Канны. Там она встречает итальянского художника Рафаэлло Челлини, обладающего почти мистическим пониманием искусства и тайны цвета. Он говорит о том, кто может ей помочь, но путь к исцелению потребует от неё переосмысления всего, что она, как ей казалось, знала о самой реальности. Главная героиня едет в Париж, знакомится с загадочным целителем и мистиком Гелиобасом. Она проходит через экзотическое лечение, визионерские сны, которые постепенно исцеляют её душу и тело. Переживая духовное пробуждение, она видит небесные видения, раскрывает тайны загробной жизни и открывает для себя любовь, которая выходит за пределы физического мира.

Произведение сочетает в себе романтику, мистицизм и раннюю научную фантастику.

Также Гелиобас появляется ещё в двух романах Марии Корелли — «Ардаф» и «Душа Лилит».

УДК 821.111.31(73)
ББК 84(7Coe)

© Глебовская А., перевод на русский язык, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-236290-3

ПРОЛОГ

Мы живем в эпоху торжества науки, а значит, и торжества просвещения. Прямо на наших глазах воплощаются в жизнь пророчества поэтов, дерзания ученых и философов — сказки становятся былью, но, несмотря на достижения разума и просвещения, которые доступны нам ежечасно, человечество все больше склоняется к неверию. «Бога нет! — восклицает один теоретик, — а если и есть, я не могу получить доказательств Его существования!» «Творца не существует! — подхватывает другой. — Вселенная всего лишь скопление атомов». «Бессмертие невозможно, — утверждает третий, — мы суть прах и во прах вернемся». «То, что идеалисты называют “душой”, — лишь витальная материя, состоящая из тепла и воздуха, которая в момент смерти покидает тело и воссоединяется со своими исконными элементами. Горящая свеча испускает свет; погаси свечу, и свет исчезнет — куда? Разве не безумие объявлять пламя свечи бессмертным? А ведь душа, вернее, витальная материя человеческого существования, ничем не отличается от пламени свечи».

Если задать этим теоретикам вечный вопрос: **ПОЧЕМУ?** — почему наш мир существует, почему создана вселенная, почему мы живем, почему думаем и к чему-то стремимся, почему в конце концов умираем? — их грандиозный ответ прозвучит так: «В силу существования Закона универсальной необходимости». Объяснить суть этого таинственного закона они не могут даже самим себе, не могут и коп-

нуть достаточно глубоко, чтобы отыскать ответ на еще более грозное ПОЧЕМУ, а именно: ПОЧЕМУ существует Закон универсальной необходимости? Но их если не полностью, то частично удовлетворяют результаты их собственных размышлений, и они крайне редко устремляются мыслью за пределы этой великой расплывчатой бескрайней Необходимости — из страха, что их ограниченный разум ввернется в безумие даже худшее, чем смерть. Соответственно, сознавая, что в нашу просвещенную эпоху мыслители всех стран постепенно окружают стеной скептицизма и цинизма все представления о Сверхъестественном и Незримом, я прекрасно отдаю себе отчет в том, что мой рассказ о событиях, не так давно случившихся со мною лично, будет воспринят с недоверием. Я, безусловно, сознаю, что во времена, когда великая империя Христианской Религии постоянно подвергается нападкам или учтивому игнорированию со стороны чиновников, общественных деятелей и педагогов, попытка доказать — даже правдиво изложив историю странных событий, в которых ты сам участвовал, — что вокруг нас существует Сверхъестественное, будет воспринята как величайшая дерзость; так же будет воспринято и желание возвестить с полнейшей уверенностью о грядущем состоянии, в каком окажется каждый живущий, пройдя через краткий период оцепенения души и замирания функций тела, известный нам как Смерть.

Я не жду, что кто-то поверит в истинность этого повествования, которое я специально назвала «романом», ибо рассказать я могу лишь то, что пережила лично. Знаю, что мои современники и современницы нуждаются в доказательствах или в том, что они готовы принять за доказательства: только после этого им будет дано поверить в то, что имеет отношение к жизни духа, в нечто невероятное, в непознаваемое чудо, которое, если верить пророчеству, недо-

ступно им в силу их ограниченности. Лишь немногие способны воспринять те тонкие воздействия, то бесспорное, хотя и загадочное влияние, которое оказывает на их жизнь разум порядка высшего, чем их собственный — разум незримый, неведомый, лишь ощутимый. Да! Его ощущают даже самые беспечные и самые циничные: через мучительное предчувствие опасности, внутренние предвестия вины — через нравственные и умственные муки, которые вынуждены терпеть те, кто ведет затянувшуюся битву, дабы достигнуть в душе заслуженной победы добра над злом — через тысячи призывов, с которыми обращаемся мы нежданно к этому компасу жизни человеческой, Совести; ощущается оно и в блистательных, изумительных порывах великодушия, отваги и самопожертвования, которые зовут нас, заставляя забывать о последствиях, свершать великие и блестящие деяния, наполняющие весь мир звучными отголосками славы — деяния, что заставляют нас удивляться себе даже в момент их совершения, проявления героизма, когда сама жизнь ни во что не ценится, а Душа обретает краткий миг торжества, слепо повинувшись водительству чего-то, что сродни ей самой, но пребывает в более высоких чертогах Мысли.

Существованию подобных вещей нет никаких доказательств, однако подлинность их бесспорна. Чудеса наших дней безмолвны и творятся лишь в умах и сердцах человеческих. Неверие почти безраздельно воцарилось в современном мире. Даже если в центр просторной площади спустится с небес ангел, толпа решит, что он предварительно поднялся ввысь с помощью тросов и блоков, и попытается отыскать этот механизм. А если он в гневе уничтожит неверующих, если крылья его вспыхнут пламенем и тысячи сгинут от одного дрожания его пера, те, что останутся в живых, скажут, что произошел мощный взрыв динамита

или что площадь находилась над потухшим вулканом, который внезапно ожил. Все что угодно, только бы не верить в ангелов — девятнадцатое столетие бунтует против самой возможности их существования. Не умеет оно видеть чудеса и презрительно отмахивается от трепета, способного их сотворить.

— Дайте нам неоспоримый знак, — заявляет оно. — Докажите неопровержимо свою правоту — и тогда я, наперекор Прогрессу и Теории Атома, вам поверю.

Ответ на эти слова был произнесен тысячу восемьсот с лишним лет назад: «О, род неверный и развращенный! Ты взыскуешь знамения, но не будет оно тебе даровано»¹.

Если я сейчас скажу, что МНЕ это знамение было даровано — мне, одной из тысяч его взыскующих, — столь дерзновенное заявление натолкнется на суровый отпор со стороны всех, кто станет переворачивать следующие страницы; каждый, кто станет читать их, имеет собственное мнение по всем предметам и, разумеется, считает его наилучшим, а то и единственно верным. Засим хочу сказать сразу, что не собираюсь в этой книге доказывать никаких теорий из области религии и философии и не несу ответственности за то, что будет высказано моими персонажами. У меня одна цель: позволить фактам говорить за себя. Если кому-то они покажутся странными, невероятными и даже невозможными, могу лишь сказать, что те, чьи мысли и побуждения ограничены пределами здешнего бытия, всегда рассматривали явления незримого мира только в таком ключе.

¹ Смешанная цитата из Евангелия от Луки, гл. 9, стих 41 и Евангелия от Матфея, гл. 12, стих 39. (*Прим. ред.*)

Глава I В МАСТЕРСКОЙ ХУДОЖНИКА

Зимой 188... года меня терзали сразу несколько нервных недугов, вызванных непосильным трудом и бесконечными тревогами. Самым назойливым из этих недугов стала продолжительная мучительная бессонница, сопровождавшаяся крайней подавленностью и сильнейшей тревогой. Меня мучили тягостные предчувствия, и организм постепенно дошел до такой степени физического и душевного расстройства, что даже тихие и умиротворяющие голоса друзей стали вызывать во мне лишь нервозность и раздражение. Мне пришлось оставить работу; музыка, единственная моя страсть, сделалась невыносимой; книги утомляли зрение, и даже короткая прогулка на свежем воздухе вызывала такую немощь и упадок сил, что вскорости мне стала тягостна сама мысль о том, чтобы выйти из дома. Стало ясно, что мне необходима медицинская помощь, и опытный, обаятельный доктор Р., известный специалист по нервным болезням, пользовал меня много недель, но без малейшего успеха. Его, беднягу, нельзя винить в том, что лечение его не принесло плодов. Он знал единственный метод врачевания и применял его ко всем пациентам, с более или менее удовлетворительным результатом. Одни умирали, другие поправлялись — это была лотерея, в которой мой друг-эскулап ставил на кон свою репутацию и выигрывал. Умершие пациенты не могли ничего поведать, а поправившиеся повсюду восхваляли своего спасителя, посылали ему

в дар серебряные блюда и корзины с вином, тем самым выражая свою признательность. Известность его была велика, он считался великолепным специалистом, а его неспособность помочь лично мне проистекала, я полагаю, из некоего дефекта или тайного сопротивления моего собственного организма, каковые стали для доктора совершенно новым опытом, к которому он оказался не готов. Бедный доктор Р! Сколько пузырьков ваших, приятных на вкус и дорогих снадобий я проглотила со слепой верой и еще более слепым неведением касательно того, какие оскорбления наносю принципам своей внутренней природы, которая, если дать ей волю, способна сама героически сражаться за то, чтобы восстановить исконное равновесие и излечиться самостоятельно; но, если подвергнуть ее экспериментам со всевозможными ядами и препаратами, силы ее иссякают в этом неестественном состязании, она чахнет, и порой не дано ей более возродиться к былой бодрости. Озадаченный бесплодностью своих попыток меня излечить, доктор Р. в итоге прибегнул к тому, к чему прибегают все лекари, если лечение не дает результата. Он порекомендовал мне сменить обстановку и настоял на отъезде из Лондона, затянутого мрачным покровом угрюмых зимних туманов, к радостям, солнцу и розам Ривьеры. Мне и самой затея эта пришлась по душе, поэтому я решила последовать его совету. Прослышав о моих намерениях, мои американские друзья, полковник Эверард и его очаровательная молодая жена, решили меня сопровождать, чтобы помимо прочего разделить расходы на дорогу и проживание. Из Лондона мы выехали все вместе, сырым и туманным вечером, таким студеным, что воздух будто вгрызался в тело острыми звериными зубами, и после двух дней стремительных передвижений, по ходу которых дух мой постепенно воспрянул, а мрачные предчувствия исчезли одно за другим, мы

прибыли в Канны, где остановились в отеле Л. Место было прелестное, отличавшееся изумительным расположением: в запущенном саду цвели розы, аллея была обсажена апельсиновыми деревьями — они только начинали цвести и наполняли дивный теплый воздух тонким ароматом.

Миссис Эверард была в восторге.

— Боюсь, что, если вы и здесь не поправитесь, случай ваш безнадежный, — произнесла она шутливо на второе утро после нашего приезда. — Какой солнечный свет! Какой нежный ветерок! Тут любой калека отбросит костыли и позабудет о своей хромоте. Вы со мною согласны?

Я в ответ лишь улыбнулась, вздохнув про себя. Да, виды, воздух и все наше окружение были прелестны, но я не могла не заметить, что временный подъем настроения, вызванный новизной впечатлений на пути в Канны, начинает медленно, но верно иссякать. Невыносимая апатия, с которой я боролась столько месяцев, вновь овладевала мною со всей своей неодолимой безжалостностью. Я как могла сопротивлялась: совершала прогулки, ездила верхом, болтала и смеялась с миссис Эверард и ее мужем, принуждала себя к общению кое с кем из постояльцев, с теми, что были настроены благожелательно. Я призвала на помощь всю силу воли, чтобы отгонять волны физической и душевной немощи, которые грозили полностью пресечь ток моей жизни; в некоторых из этих начинаний я отчасти преуспела. Но отчетливее всего ужасы моего положения являлись мне по ночам. Тогда сон бежал прочь, голову терновым венцом сжимало кольцо тупой пульсирующей боли; я с головы до ног сотрясалась от нервной дрожи, в ушах с утомительной навязчивостью звучали обрывки собственных моих музыкальных сочинений — и, слушая их, я впадала в мучительное состояние, ибо никак не могла вспомнить, чем они заканчиваются, вотще вслушива-

лась в переливы и трели, которые никак не складывались в сколь бы то ни было убедительный финал. Дни проходили один за другим; для полковника Эверарда и его жены они были наполнены радостью, удовольствием, поездками по интересным местам. Для меня — хотя я и участвовала в общих удовольствиях — дни эти были омрачены все нараставшими унынием и отчаянием; я постепенно утрачивала надежду на то, что когда-то вновь обрету силы и бывшее цветущее здоровье, а самое главное — я полностью утратила способность работать. Я была молода, еще несколько месяцев тому назад передо мной простиралась прекрасная жизнь и прекрасное профессиональное поприще. А что теперь? Я превратилась в беспомощного инвалида, бремя для себя и других — в сломанную мачту, которую, вместе с иными обломками потерпевшего крушение корабля жизнь носит по бескрайнему океану Времени: скоро их поглотят пучина и забвение. Впрочем, спасение мое было близко: спасение нежданное и удивительное, какое не могло мне явиться и в самых смелых мечтах.

Одновременно с нами в том же отеле остановился молодой художник-итальянец по имени Рафаэлло Челлини. Совсем недавно картины его начали привлекать к себе благосклонное внимание римлян и парижан, не только по причине безупречности рисунка, но и в силу изумительно тонкой работы с цветом. Он умел переносить на свои полотна столь теплые, насыщенные и богатые оттенки, что его коллеги по ремеслу, не столь виртуозно владевшие палитрой, объявили, что он, видимо, изобрел некий новый компонент, который делает используемые им пигменты богаче и ярче; впрочем, говорили они, эффект этот недолговечен, и через восемь-десять лет картины его под влиянием дневного цвета начнут стремительно выцветать, останутся лишь смутные очертания. Другие, более благожелательные,

поздравляли его с тем, что он заново открыл секреты старых мастеров. Говоря коротко, его превозносили и клеймили, ему льстили и завидовали — все одновременно; сам же он, будучи человеком отменно уравновешенным и невозмутимым, работал, не переставая, почти или совсем не обращая внимания на мирскую хвалу и хулу.

В отеле Л. у Челлини был очень милый номер из нескольких комнат, и мои друзья, полковник и миссис Эверард, свели с юным художником тесное знакомство. Он вполне охотно ответил на их расположение, и в результате его мастерская превратилась для нас в своего рода гостиную — мы там пили чай, беседовали, рассматривали картины или обсуждали планы новых удовольствий. Как это ни странно, визиты в мастерскую Челлини очень благотворно и умиротворяюще подействовали на мои расстроенные нервы. Сама мастерская, просторная и элегантная, обставленная с «художественным беспорядком», со смешанной роскошью, столь любезной творческим людям, — тяжелые бархатные шторы, блеск мраморных бюстов и разбитых колонн, пышность и аромат цветов в крошечной оранжерее, которая примыкала к мастерской и вела в сад, где мелодично звенел фонтан, — все это было мне по сердцу и давало необъяснимое, но столь желанное ощущение полного покоя. Челлини и сам относился ко мне с интересом, по той же причине. Приведу пример: помню, однажды я ускользнула от миссис Эверард и укрылась в самой безлюдной части сада, чтобы побыть там в одиночестве и успокоить разыгравшиеся нервы — приступ настиг меня внезапно. Я в лихорадочном возбуждении металась по дорожкам и вдруг увидела, что ко мне идет Челлини, задумчиво склонив голову и сцепив руки за спиной. Приблизившись, он поднял глаза — ясные, подобные черным бриллиантам — и взгляделся в ме-

ня с благожелательной улыбкой. Потом, со свойственным итальянцам почтительным изяществом приподняв шляпу, он двинулся дальше, не сказав ни слова. Однако на меня эта мимолетная встреча оказала изумительное, будто бы ЭЛЕКТРИЗУЮЩЕЕ воздействие. Тревога унялась. Спокойной, умиротворенной и почти счастливой возвратилась я к миссис Эверард и с воодушевлением поинтересовалась, каковы ее планы на день, чем вызвала ее изумление и восторг

— Если так и дальше пойдет, через месяц вы полностью поправитесь, — заметила она.

Я решительно не понимала сути целительного воздействия на меня Рафаэлло Челлини, но не могла не испытывать благодарности за то, что оно давало мне возможность передохнуть от нервного расстройства. Ежедневные визиты к нему в мастерскую стали теперь целительным удовольствием, от которого я не в силах была отказаться. Более того, мне не надоедало рассматривать его картины. Сюжеты все до одного были совершенно оригинальными, встречались среди них чрезвычайно причудливые и фантастические. Особенно меня приковало к себе одно большое полотно. Называлось оно «Властелины жизни и смерти». На нем был изображен наш мир, в виде шара, наполовину залитого светом, наполовину скрытого в тени, окруженного клубами облаков — местами с серебряной окантовкой, местами в красных сполохах пламени. Над миром воздвигнулся могущественный Ангел, на его благородном невозмутимом лице отражались одновременно глубокая скорбь, пронзительное сострадание и бескрайнее сожаление. На опущенных ресницах благожелательного, но строгого духа сверкали слезы, а в могучей правой руке держал он обнаженный меч — меч возмездия, — направленный вниз, на обреченный земной шар у него под ногами. Фо-

ном Ангелу и миру, над которым он воздвигся, служила тьма — непроглядная и бесконечная. Выше, впрочем, тучи слегка расступились, и меж ними в прозрачном облаке золотистой дымки проглядывало лицо несказанной красоты — лицо, сияющее неугасимым светом юности, здоровья, надежды, любви и экстатического счастья. То было воплощение Жизни — не той, которая ведома нам, краткая и исполненная горестей — но Жизни Вечной и Жизни Торжествующей. Я раз за разом останавливалась перед этим шедевром Челлини и вглядывалась в него не только с восхищением, но и с чувством нежданного умиротворения. Однажды — я в тот день расположилась в любимом кресле напротив картины — я очнулась от задумчивости и, повернувшись к художнику, который как раз показывал миссис Эверард какие-то акварельные наброски, спросила, не подумав:

— А лицо Ангела Жизни вы сами придумали, синьор Челлини или у вас была модель?

Он посмотрел на меня с улыбкой.

— Перед вами сносная копия существующего оригинала, — ответил он.

— Полагаю, это женское лицо? Она, видимо, очень красива!

— Подлинная красота не имеет пола, — ответил Челлини и умолк. Лицо его сделалось мечтательным, отрешенным, наброски, на которые смотрела миссис Эверард, он перебирал так, что было ясно: мысли его далеко.

— А Ангел Смерти? — не отступала я. — У вас и для него была модель?

Тут на лице его мелькнуло облегчение, едва ли не радость.

— Для него нет, — ответил он охотно и искренне. — Это всецело плод моего воображения.

Я хотела было сделать комплимент величию и силе его поэтической фантазии, но он остановил меня отрывистым жестом руки.

— Если вам действительно нравится эта картина, пожалуйста, не высказывайтесь об этом вслух, — попросил он. — Если это подлинное произведение искусства, пусть оно говорит с вами на языке искусства, но избавьте бедного ремесленника, давшего ему материальное воплощение, от необходимости сознавать, что работа его не выше людской похвалы. Единственной подлинной оценкой высокого искусства служит молчание — столь же возвышенное, как сами небеса.

Он говорил веско, его темные глаза сверкали. Эми — миссис Эверард — взглянула на него с любопытством.

— Ну надо же! — воскликнула она, звонко рассмеявшись. — А вы эксцентричны, синьор! Рассуждаете, прямо как длинноволосый пророк! Я в жизни еще не встречала художника, который терпеть не может похвалы; наоборот, я зачастую с удивлением наблюдаю за тем, сколько неудобоваримой сласти они в состоянии проглотить, не подавившись. А вы, я гляжу, исключение. С чем я вас и поздравляю!

Челлини ответил поклоном на ее полудружеский-полунасмешливый реверанс и, вновь повернувшись ко мне, заметил:

— Мадемуазель, я хочу попросить вас об одолжении. Не согласитесь ли позировать мне для портрета?

— Я? — воскликнула я в изумлении. — Синьор Челлини, я не понимаю, зачем вам тратить на это ваше столь ценное время. У меня самое обычное лицо, оно совершенно не заслуживает вашего внимания.

— Простите, мадемуазель, если я позволю себе с вами не согласиться, — ответил он серьезно. — Мне очень бы

хотелось перенести ваши черты на полотно. Я знаю, что здоровье у вас хрупкое, что лицо ваше лишено округлости и красок, каковыми обладало ранее. Но я не поклонник красоты, присущей молочницам. Меня занимают ум, мысль, одухотворенность — говоря короче, мадемуазель, лицо у вас из тех, на которых отражены многочисленные душевные терзания, и в связи с этим могу я повторить свою просьбу уделить мне немного времени. **УВЕРЯЮ ВАС, ВЫ ОБ ЭТОМ НЕ ПОЖАЛЕЕТЕ.**

Последние слова он произнес тихо и крайне внушительно. Я встала с кресла и устремила на него взгляд; он ответил тем же, по телу моему прошла дрожь странного азарта, за которой нахлынуло то самое ощущение бесконечного покоя, которое я испытывала и раньше. Я улыбнулась — просто не смогла удержаться от улыбки.

— Я готова начать завтра, — ответила я.

— Миллион благодарностей, мадемуазель! Удобно ли вам будет в полдень?

Я бросила вопросительный взгляд на Эми, которая с восторгом и энтузиазмом захлопала в ладоши.

— Разумеется! Когда вам будет угодно, синьор. Мы подстроим время экскурсий, чтобы они не мешали вашим сеансам. Нам будет очень интересно наблюдать, как картина совершенствуется день ото дня. Как вы ее назовете, синьор? Вы собираетесь дать ей какое-то причудливое название?

— Все зависит от конечного результата, — ответил он, распахнул двери мастерской и поклонился нам с обычной своей безупречной церемонностью.

— Au revoir, madame! A demain, mademoiselle!¹

¹ До свидания, мадам! До завтра, мадемуазель! (фр.) — Здесь и далее, за исключением специально оговоренных случаев, прим. пер.